

Новые известия, 2004-8 июль-с.1,5

АП. ROBERTO PFEIL

КИМ КИ ДУК: «Мне наплевать на общественное мнение!»

ЕЛЕНА СЛАТИНА

Мировая мода на восточное кино докатилась до России. Так же, как для европейцев и американцев, для нас корейские и китайские фильмы неожиданны и труднопостижимы. Очередная лента корейца Ким Ки Дука, получившего главную награду нынешнего Берлинского фестиваля, – нелишнее тому подтверждение. О секретах восточного кино, о христианстве и буддизме, о пороках и расплате за них «Новым Известиям» рассказывает один из самых популярных молодых режиссеров мира Ким Ки ДУК.

– В основе вашей предыдущей картины – «Весна, лето, осень, зима... и снова весна» – была заложена буддистская история. Теперь вы сняли христианский фильм...

– «Весна, лето...» – это скорее не о буддизме, а о самой жизни, о ее течении, которое абсолютно не зависит от принадлежности человека к той или иной религии. То же и с «Самаритянкой» – я взял библейское название, но не хотел делать кино про христианство, а рассказал историю нескольких людей. Жизнь сама по себе – это религия. Поскольку я – кореец, я получил буддистское воспитание, я им пропитан, но не стал бы утверждать, что им пропитаны мои фильмы. Для меня религия в чистом виде – вещь очень спорная, потому что она направлена как на созидание, так и на разрушение – ведь именно во имя религии были развязаны многие войны.

Окончание на стр. 5

«Мне наплевать на общественное мнение!»

Окончание. Начало на стр. 1

— В Корею теперь две официальные религии — буддизм и христианство. Как они уживаются в одной стране?

— Понимаете, буддизму уже пять тысяч лет, и он не воспринимается как религия. Это такой образ жизни. А христианство к нам пришло совсем недавно — лет сто назад. Поэтому в общем представлении католицизм — это только религия. Конечно, адепты и христианства, и буддизма противостоят, спорят — какая религия лучше, важнее и выше.

— Несмотря на то что название «Самаритянка» взято из Библии, в вашей картине многое косвенным образом напоминает о буддизме. Например, отец героини, воспитывая ее как будто бы в христианской традиции, на самом деле просто показывает ей, как прекрасен этот мир.

— Отец просто желает ей добра, и даже для него не так уж важно, в христианской традиции он это делает или в буддистской. Вообще в фильме ведь три части. Первая треть вся пронизана традициями буддизма. Вторая опирается на традиции христианства. А третья часть, которая называется «Соната», — это просто жизнь, та самая жизнь, которая и интересует меня больше всего.

— Кстати, не случайно для картины выбрана машина под названием «Соната» под номером 666. В христианской традиции это число дьявола. Это намеренный прием?

— 666 — просто совпадение. Я просто купил эту машину для съемок, а у нее оказался такой номер. Название «Соната» имеет два значения. Во-первых, в нем зашифрован музыкальный смысл этого понятия. Соната имеет определенную ритмику — в ней совмещаются контрастные темы, контрастные ритмы: быстрые и медленные. Сюжет третьей части развивается в сонатной форме. А во-вторых, «Соната» — это просто дешевая машина для среднего класса. И это символично, потому что я рассказываю историю про небогатых людей, ведь именно из-за отсутствия денег девочка продает свое тело, а затем происходит трагедия.

— Вы взялись за очень болезненную для общества тему — детскую проституцию, но ваши героини не считают себя жертвами, не страдают, как Соня Мармеладова у Достоевского, а даже наслаждаются своим занятием. Почему?

— Просто я не хотел дублировать ежедневные телевизионные новости. Это ведь не репортаж, а художественный фильм. И он основан не на реальности, вся эта история — художественный образ, вымысел. Мне интересно не пересказывать где-то услышанное, а моделировать мир. Наслаждаются ли дети-проститутки сексом на самом деле? Я не знаю. Может, и наслаждаются, а может — совсем наоборот. Я думаю, возможно и то и другое. Главное, что я хотел, — это создать этих персонажей и поднять вопрос детской проституции.

— Ваш фильм вроде бы про секс, но именно секс выведен за пределы экрана. Вы как будто намеренно избегали и сексуальности, и чувственности.

— Это фильм не о сексе. Я избегал этого, у меня просто не было на это художественных оснований. Было важно немного рассказать про общество, в котором у каждого есть своя правда и на каждом своя вина. Все герои моей картины грешны: девушки вынужденно становятся проститутками, отец одной из них — невольным убийцей... Но они не прирожденные преступники. Они становятся ими и от этого страдают.

— При этом вы ничего не сказали о мужчинах, которые пользуются детьми-проститутками. Разве педофилия не преступление?!

— Можно было, конечно, снять фильм и о криминале, но я не этого хотел. Конечно, все мои герои — криминалы с точки зрения общества. Но мне на мнение общества наплевать. Это ведь тоже люди, которые в этом обществе живут и тоже имеют свое мнение. Потакать мнению общества слишком просто, оно безлично и с легкостью может судить — кто прав, кто виноват, что хорошо, что плохо. Мой фильм очень непрост. Он непрост именно тем, что я не хотел говорить о добре и зле, а сделал фильм о людях, осуждаемых обществом.

— Вы стали известным режиссером благодаря своим очень жестоким

фильмам. Но теперь у вас гораздо меньше крови и мертвых тел — в «Самаритянке» всего три трупа. Нам стоит привыкать к новому, более зрелому Ким Ки Дуку, или последние два фильма — просто временное затишье, и вы покажете еще множество способов нанесения физических увечий?

— О будущем я не могу пока сказать — не могу предсказать, как я изменюсь. Мне страшно любопытно, каким я буду завтра. Пока у меня нет дальнейших планов, и я не знаю, о чем будет мой следующий фильм.

— Не так давно вы говорили, что хотели бы снять фильм о России или с русскими актерами...

— Да, говорил, но это пока не более чем идея. И я даже для себя ее не до конца сформулировал. Идеи даже две. Одна история — про русский пистолет, и все повествование ведется от его лица. Этот пистолет тайно оказывается в Корею, там ходит по рукам и постоянно кого-нибудь убивает. Сама история фильма строится на рассказах этого пистолета обо всех убийствах. Вторая тема — это российские стриптизерши, танцующие на американских военных базах. Сейчас в Корею очень много таких девушек — я даже познакомился с одной русской олимпийской чемпионкой, которая зарабатывала стриптизом. Не буду говорить ее имени — вы ее наверняка знаете.

«Повезло парню!»

Корейцы не понимают, почему Ким Ки Дука так любят в Европе

Елена Слатина

Кореец Ким Ки Дук снимает по три фильма в год, но это количество не портит качества. На последнюю свою картину «Самаритянка» он потратил всего 16 дней и получил на Берлинском фестивале 2004 года «Медведя» за «лучшую режиссуру» — свою первую крупную награду. Ким Ки Дука обожают в Европе и терпеть не могут на родине за неблагородное происхождение, необразованность и за кровожадность его кино.

Сейчас ему 44 года, он начал снимать фильмы восемь лет назад, быстро стал популярным и поначалу был не на шутку растроган пристальным вниманием Европы к своей персоне. Ким Ки Дук рос в бедной семье, рано пошел работать на завод, потом завербовался в морпех. Каким-то чудом оказался в Париже, где учился живописи. Однажды, заглянув в парижский кинотеатр (впервые в жизни!), посмотрел «Молчание ягнят» и... вернулся в Корею писать сценарии. Сейчас Ким Ки Дук к популярности привык, но кино не стало для него циничным ремеслом, и это видно на экране — он снимает дешевые маленькие истории, но не штампует их, а проживает — в каждой из них есть часть его лично. Он — побиваемый отцом мальчишка в своем фильме «Адрес неизвестен». Он — «Плохой

парень», да и главный герой «Береговой охраны» — тоже он. А старый монах из «Весны» для Ким Ки-Дука — искупление грехов. Последний его фильм на сегодняшний день, «Самаритянка», — в каком-то смысле вопрос самому себе: что я сделал бы на их месте, на месте каждого из героев?! «Самаритянка» — десятая картина Ким Ки Дука. Две малолетние красотки-корейки мечтают провести каникулы в Европе. Чтобы заработать денег, одна из подружек отдается педофилам, а вторая — ее сутенер — вызывает клиентов и караулит под окном. Обе особенно не парятся из-за своего неправомерного труда, «работают» даже с удовольствием, а та, которая проститутка, и вовсе влюбляется в одного из клиентов — в композитора. Но когда ее застывает полиция, девчонка, не в силах вынести позора, сиганет из окна на мостовую и умрет в больнице, так и не дождавшись, пока подруга доставит ей возлюбленного. Это первая часть картины, предыстория. Вторая — собственно «Самаритянка» — посвящена второй девочке, Е-Джин. Конечно, к настоящим самаритянам она отношения не имеет, это аллегорическое название. После смерти подруги Е-Джин, познав чувство вины, решает свою вину искупить — она обзванивает клиентов погибшей и каждому из них возвращает заработанные подружкой грязные деньги, предварительно отдавшись каждому безвозмездно. Е-Джин — дочь полицейского, которую папа всю жизнь воспитывал в любви и заботе. Поэтому, когда отец узнает о нравственном падении дочери, он не станет разбираться в тайнах ее сердца и глубинах ее подсознания, а пойдет мстить обидчикам, одного из которых замочит кирпичом в сортире. В «Самаритянке» это — единственная кровавая — «фирменная» сцена режиссера.

Те тонкокожие зрители, кто отказался смотреть его кино после «Острова», могут больше не бояться. Выколотые карандашами глаза, прорезанные оконными стеклами животы и ставшие уже притчей во языцех вырванные рыболовными крючками внутренние органы — всего этого у Ким Ки Дука больше нет. Его больше не интересует примитивная физическая боль, в своем предпоследнем фильме — «Весна, лето, осень, зима... и снова весна» — и теперь в «Самаритянке» он говорит про боль душевную, от которой можно отвлечься, но нельзя вылечить, занимаясь членовредительством. «Самаритянка» — трагедия о безвинных виноватых людях, у которых рухнули все планы на жизнь и надежды на счастье всего-то из-за того, что в маленькую комнату не вовремя вбежал полицейский, тоже абсолютно ни в чем не виноватый.

Ким Ки Дук уже во второй раз (после «Плохого парня») обращает внимание на детскую проституцию — очень распространенное явление в современной Корею. Но для того чтобы его кино воспринималось как проблемное, он слишком художественен. Впрочем, он ведь и не собирался быть борцом, он просто хороший режиссер, который рассказывает грустные истории. А после берлинской награды его все равно в Корею не признали — сказали: «Повезло парню, бывает».

«Самаритянка» Ким Ки Дука смотрит на мир глазами буддиста.